

Дверца в канализацию

*Анастасия
Зарецкая*

12+

Анастасия Зарецкая

Дверца в канализацию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57240545

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта история началась одним мартовским днем, когда я абсолютно случайно упала в канализацию (я настолько везучая, что в этом нет ничего удивительного). На помощь ко мне пришла удивительная мадам Кавелье, прячущая под шарфами зеленоватую кожу и рожки. Она вывела меня к свету. И на прощание пригласила к себе в гости, тем самым открыв для меня дверцу в новый мир.

Однако если у меня семья совсем обычная, пусть и не такая идеальная, как мне бы хотелось, то семья мадам Кавелье – это нетрудно понять – обладает рядом особенностей.

И да, они живут в канализации.

А я, похоже, слишком сильно нуждаюсь в приключениях.

Содержание

1	4
2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анастасия Зарецкая

Дверца в канализацию

1

Они добрые.

Даже на вид, если не говорить об их чудесной внутренней составляющей.

Разве что у мадам Кавелье, полненькой и зеленоватой, прямо из головы торчат двое рожек с красными бусинами на концах – они гибкие и гнутся, как мармеладные червячки, когда в порыве недовольства мадам Кавелье качает головой. Но такое случается довольно редко, только если кто-то из четырех детей мадам Кавелье ее разозлит. А у мадам Кавелье чудесные дети. Оба ее мальчика похожи на маму – такие же зеленоватые и рогатые, обе девочки – на любимого мужа, месье Кавелье, разве что они не носят усов. Ну или пока что не носят.

Ах, да, я же еще не рассказала о месье Кавелье.

Порой мне кажется, что он полупрозрачный. Когда на месье Кавелье падает луч искусственного света, он слегка просвечивает – пожалуй, все-таки хорошо, что месье Кавелье всегда кутается в одежду. И да, у месье Кавелье два уса, изящно закрученных в разные стороны (напоминает примо-

стившуюся над губами бесконечность), и один-единственный глаз, ярко-голубой. При каждом случае, не только удобном, месье Кавелье замечает, что является истинным французом. Причем по всем параметрам. Я, правда, не уверена, что истинные французы обязательно одноглазые, но месье Кавелье виднее. Я-то француженка лишь по прабабушке, которую никогда не видела, откуда мне знать...

Они немного странные, эти Кавелье, но, в общем-то, я давно привыкла к их особенностям. Каждый уважающий себя человек старается чем-то выделиться из толпы. Кто-то красит волосы в ядовито-розовый цвет, как моя мама. Кто-то каждое воскресенье на весь день покидает дом, чтобы тренироваться для соревнований по автокроссам, как мой папа. А кто-то – семейство Кавелье. Просто семейство Кавелье.

К тому же, многочисленные таланты всех Кавелье кратно превосходят то, что люди привыкли считать недостатками.

Например, мадам Кавелье готовит самое вкусное печенье из тех, что я успела попробовать за свою недолгую жизнь. Когда я в очередной раз думаю, сходить в гости к семейке Кавелье или нет, печенье является одним из главных доводов "за" (стыдно признаться). Едва подумав о печенье, я отрываюсь от бесполезного дела, которым занималась до этого, и отправляюсь на поиски походных джинсов. Вообще я выросла из них еще два года назад – джинсы не закрывают щиколотку и с трудом застегиваются на поясе. Но если я испачкаю что-либо другое, мама будет очень ругаться.

И вот почему.

Я совсем забыла упомянуть, что семейка Кавелье живет в канализации. Не знаю, относится это к талантам или нет, – так уж сложились их жизнь, вот и все. В общем-то, благодаря канализации я и познакомилась с мадам Кавелье, а уж там подтянулись все остальные.

Мадам Кавелье стала моим спасителем – ангелом, живущим, вопреки всему, под землей. Тогда, в день моего спасения, пожалуй, и начала зарождаться моя чрезвычайная к ней любовь. И к ее печеню то же.

Случилось все в один из дней весны этого года, и...

Я постоянно перескакиваю с темы на тему, меня из-за этого даже ругала наша учительница по литературе, когда заставляла делать очередной пересказ сотого литературного шедевра, но, мне кажется, история моего спасения заслуживает быть озвученной прямо сейчас.

Наверное, все знают северные городки, которые зимой облеплены сугробами, высотой едва ли не достигающими крыш одноэтажных домишек. Эти сугробы не дают выйти на улицу (приходится раскапывать проход, чтобы папа поехал на работу и я не пропустила школу), а весной начинают таять. Снег лежит мокрый-мокрый и проваливается под ногами. А потом, когда солнышко начинает греть чуть активнее, появляется еще и грязь. Я в таких случаях всегда домой возвращаюсь промокая с ног до головы. И замаранная. И, в общем-то, мама всегда ругается.

Так вот, я живу в одном из таких городков. Откуда иначе я бы все это знала?..

И очередной весной, в очередной день, уже после моего дня рождения, я, в очередной раз замученная кучей всяких ненужных уроков, спешила домой, чтобы успеть к новой серии "Красноглазых сов" (да, я из тех людей, что еще смотрят сериалы по телевизору, а детектив Берд, мне кажется, самый лучший мужчина, что только можно придумать). Как сейчас помню: предыдущая серия окончилась на том самом моменте, когда Берд чуть не погиб от клыков Ивы, они тогда еще не были друзьями... Ой. Никаких спойлеров – все должны посмотреть этот сериал сами.

Итак, я спешила домой и не смотрела под ноги. Я в принципе не люблю смотреть вниз – все пытаюсь что-то разглядеть в небе. А тогда тем более не смотрела. Ива! Напала! На Берда! Что же будет дальше?.. А тут еще и лужа, занимающая собой половину очередного тихого кварталчика. Недолго думая (думать я тоже не люблю), я решила обойти ее по сугробам, решив, что лучше быть просто мокрой, чем мокрой и грязной.

Вот только в один момент снег под ногами провалился, и я поняла, что лечу вниз.

Наш городок всегда славился своими канализациями.

По большей части из-за того, что около полувека назад старые ходы (как оказалось, не все) были заложены, а вместо них построили новые.

Так вот, я полетела, полетел вслед за мной снег, точно до последнего не желал отпускать, и, справедливости ради, полет был довольно увлекательный – неплохое такое начало всего, что произошло после.

Но уже через пару мгновений я упала на что-то мокрое и противное, и снег приземлился сверху, залепив ресницы. Полет оказался совсем коротким, не больше десяти футов вниз, – никаких бесконечных колодцев.

Почти сразу я вскочила – промокну! Посмотрела наверх, на нежное весеннее солнце, приглядывающее за мной через вырезанный посреди дороги блин, теперь не скрытый предательским снегом. Потянулась, пытаюсь достать плитки...

Но куда уж мне – недавно еле переросла четыре фута и восемь дюймов и не то чтобы стремительно движусь к пяти.

Подпрыгнула пару раз для приличия. Но если уж я даже в длину прыгать не умею, что говорить про высоту?..

Ладно, справедливости ради, не такая я и бездарная. Например, я достаю кончиком языка до носа. Меня папа называет змеей, когда я так делаю. Помимо этого, когда-то я вязала крючком, и за креслом в моей комнате лежит наполовину законченный шарф, очень красивый, изумрудный. В прежние времена пряжа, пошедшая на него, была маминым свитером, но восьмилетняя я, готовая на свершения, решила, что свитеров у мамы и без того предостаточно (а их у мамы в самом деле много). И, спокойненько потянув за узелок, превратила изумрудный свитер в изумрудную же вермишель

– а я по дедушке итальянка, так что разбираюсь в вермише-
ли. Схватила за крючок, набросала первый ряд, второй...
А потом мама вернулась, и оказалось, что это был самый лю-
бимый из ее самых любимых свитеров. У моей мамы всегда
так – она может спокойно жить, по двадцать раз в день про-
ходя мимо какой-нибудь вещи и не обращая на нее внима-
ния. А как только к ней прикоснусь я – все, конец света.

Но в чем мы с мамой похожи – по словам папиной бабуш-
ки, которая совсем не итальянка и вечно всех критикует –
так это в умении паниковать, не разбираясь в причине. Ед-
ва столкнувшись с проблемой, и я, и мама стопоримся и не
знаем, что делать дальше.

Вот и тем мартовским днем, попрыгав в канализации и,
конечно же, не допрыгнув, я вдруг испугалась. Не столько за
себя – за себя я боюсь в последнюю очередь. За маму, кото-
рая начнет нервничать (как и я). За папу, который очень хо-
тел попасть на наш школьный концерт, назначенный на сле-
дующую неделю, наш класс на нем хором исполнял песню.
За мою кузину по материнской линии Розу на три года меня
старше и кузена по папе, Руди, который родился всего пять
лет назад. За собачку тети Алессандры – а у нее чудесный
золотой шпиц Лютик. За Берда, в конце концов. Там ведь
Ива на него напала, чего непонятного?

Но выбраться я совсем никак не могла.

Солнце, казалось, было так близко, но в то же время оно
находилось слишком далеко.

И тогда я поступила, как стереотипная девчонка, которой совсем недавно исполнилось одиннадцать лет (хотя в том же восьмилетнем возрасте я была уверена, что к одиннадцати-то годам стану взрослой и самостоятельной, почти девушкой).

Я заплакала.

Продолжая стоять на месте. А вдруг, если сдвинусь, там будет очередная ловушка?

Размазывая по лицу слезы холодными пальцами и подмешивая в них волосы, которые из-за активной ходьбы вылезли из-под моей любимой шапки с наклеенными разноцветными камешками.

А если я здесь останусь, думала я, то ведь и эта шапка останется здесь, и никто больше не спросит, почему у меня такая идиотская шапка.

Вокруг темнота, и единственный круг света – и снега тоже – это там, где я стою. А ведь скоро солнце спрячется, позабыв про меня, продолжала себя накручивать, и тогда я сольюсь со всей этой темнотой, и ничего, совсем ничего от меня не останется...

А мимо, как назло, никто не проходил, а потому не слышал мои вопли и не спешил на помощь. На поверхности царил пустота, быть может, потому, что ни у кого больше нет мамы, которая ругается из-за грязной одежды или обуви (из-за чего лужи приходится обходить). Ну или потому, что мы живем на улице безлюднейшей, где даже дома встречаются

редко, а если и встречаются, то лучше бы не встречались – такие они все темные и мрачные. Может, кто-то и хотел меня услышать. Но как он мог это сделать, если прошел за два дома отсюда?

В общем, меня мгновенно настигла апатия.

К тому же, благодаря развитому чувству числа, я понимала, что “Красноглазые совы” вот-вот начнутся, если еще не начались. А я ведь так спешила!.. И от этого было в десять тысяч раз обиднее. И плакала я с каждой секундой только сильнее...

Пока не услышала шорох.

Честное слово.

Не знаю, как мне вообще удалось что-то расслышать через свой рев (стыдно признаться, но ревела я в тот день знатно, как трехлетний ребенок), но шорох тот я расслышала. И мгновенно замолчала. На автомате шагнула назад – пропасти за спиной, к счастью, не оказалось.

Зато таинственное нечто, от которого исходили эти пугающие звуки, на два шага приблизилось ко мне.

Вот тогда-то я и начала за себя бояться.

Этим чем-то оказался человек ненамного выше меня. Женщина, судя по всему. А судить было сложно – вся она скрывалась за горой одежды, и даже лицо ее было замотано платком, как у какой-нибудь восточной красавицы.

А у меня в голове сразу всплыли предупреждения мамы. Ну, они всем известны: держись поблизости от меня, не раз-

говаривай с незнакомцами и все такое. А я вообще-то слушаюсь маму. Тем более что стоящая передо мной женщина доверия не внушала. Не зря же она так тщательно пыталась себя скрыть? На это были причины?

Она почувствовала мою настороженность.

Осознав, что я близка к тому, чтобы в один момент научиться прыгать на десять футов вверх (тогда как я в длину и три фута прыгаю еле-еле), чтобы сбежать отсюда, женщина резким движением стянула с лица шарф.

На мгновение я замерла, забыв, как дышать.

У нее оказалась уже знакомая нам кожа холодного зеленого оттенка, спрятанные в коротких каштановых кудрях пара рожек и очень мудрые темно-карие глаза, окруженные воротничком черных изогнутых ресниц.

– Не бойся, пожалуйста, – произнесла она тихо и каким-то совсем непривычным для меня акцентом. Помолчала пару мгновений, а потом продолжила: – Здесь редко кто-нибудь ходит.

– Я живу неподалеку, – призналась я. Голос после рыданий был совсем писклявым, а он у меня и без того до сих пор детский. – И там лужа... Сверху. Я решила обойти и упала.

Она кивнула – рожки качнулись вместе с кудрями – и вдруг протянула мне руку:

– Мадам Кавелье.

И я, не сводя с нее глаз, протянула свою:

– Эрика Гибсон.

Наверное, следует опять отвлечься. И сказать пару слов о моем имени. Ещё в первые школьные дни кто-то (ладно, я прекрасно помню, что этот вопрос задала Джил, которая с самого начала меня невзлюбила) спросил маленькую Эрику, почему у меня имя, как у принца из сказки. Ее родители мальчика хотели, что ли? Ха-ха-ха, какая чудесная шутка и все такое. А у меня в то время и волосы были короткими, даже не закрывали уши – это сейчас я их отрастила до пояса. Поэтому шутка получилась обидная. И я не придумала ничего лучше, кроме как отвернуться, сделав вид, что чихать я на всех хотела.

И вот пришло время открыть истину.

Мои родители не хотели мальчика.

Они в принципе не то чтобы хотели ребенка – так мне сказала папина бабушка, ужасно меня этим задев, конечно же. Маме исполнилось девятнадцать лет через три недели после моего рождения, в начале апреля. А папе – в январе, за два с половиной месяца до него. Мама училась на журналистку, ну, пока училась. А папа в момент моего появления на свет вообще находился в соседнем городе, потому что поступил на первый курс престижного медицинского университета. И, уехав летом, вернулся только на Рождество. Тогда же ему мама все и рассказала.

Иногда я чувствую себя виноватой.

Это ведь мои родители, и вместо того, чтобы немного подождать, я захотела родиться так рано. И одним своим появ-

лением забрала столько перспектив.

И вообще Эрика – это такое растение. Как вереск. И цветет оно аж до Рождества. Мама так рассказывала. Сама я с ним никогда не встречалась. Или встречалась, но не знала, что передо мной именно оно. В детстве я всем говорила, что, когда вырасту и заработаю много денег, куплю себе маленький дом где-нибудь в провинции, рядом со Средиземным морем, и будет у меня там эриковый (во всех смыслах) сад.

Но мне уже одиннадцать, а я до сих пор без приключений не научилась добираться до дому.

А тогда мы с мадам Кавелье обменялись рукопожатиями, и из «незнакомых людей» сразу поменяли статус на пока что не друзей, но уже приятелей. Я спросила:

– А вы как здесь оказались?

Мадам Кавелье пожала плечами и ответила:

– Я шла за продуктами, пока не увидела, что сверху летит нечто прекрасное.

– И снег, – заметила я.

– И снег, – согласилась она.

– А почему вы шли именно здесь? Сверху, вроде бы, нет пробок. У нас в принципе пустынный райончик. Глушь, одним словом.

Мадам Кавелье склонила голову набок, точно какая-нибудь диковинная птичка.

– Я собираюсь подняться наверх сейчас. Именно для этого мне нужен платок.

Я все никак не могла понять, к чему она ведет. Но мне правда этого хотелось. Несколько мгновений я молчала, шестеренки в голове крутились медленно и со скрипом (кажется, этот скрип слышала даже мадам Кавелье). И их хватило только вот на что:

– Вы живете здесь?

– Верно, – она улыбнулась мне, как довольная ребенком мамочка (моя мама тоже иногда так улыбается), и даже изящные брови приподняла. – Но не совсем. Рядом. Слушай, Эрика Гибсон, давай сделаем вот как. Я покажу тебе, как отсюда выбраться, и, если тебе станет вдруг совсем любопытно, ты будешь знать, как попасть сюда и найти меня.

– А это точно безопасно? – уточнила я на всякий случай.

– Дверца, к которой я тебя веду? – мы наконец-то сдвинулись с места, и солнце осталось позади. Мадам Кавелье тут же включила фонарик и стала подсвечивать каменные плитки, по которым мы шли, но я все равно двигалась очень медленно. – Конечно, безопасно. А если ты про жизнь в канализации, то, как видишь, жить можно. Приходится, конечно, привыкать – но это далеко не самое плохое, что может случиться.

– А вы... одна здесь живете?

Видела бы меня сейчас мама – она бы, честное слово, очень сильно ругалась, лишила карманных денег и все в таком духе. Но мадам Кавелье показалась мне невероятно доброй, неспособной ни на что плохое, и я, на правах своей на-

ивности, сразу ей доверилась.

Может, сработало чутье.

Между прочим, моя прапрабабушка по маме, русская, считалась кем-то вроде прорицательницы у себя на родине, так что мне вполне могло что-то от нее передаться.

– Нет, – ответила мадам Кавелье. – С семьей. Если ты еще раз заглянешь к нам – только, пожалуйста, не так эффективно, – то я тебя с ней познакомлю.

– А почему вы здесь живете?

Она махнула фонарем в свою сторону, подсветив рожки.

– Люди мыслят стереотипами, Эрика.

И я поняла, что задела болезную тему. То есть, конечно, за всю свою жизнь мадам Кавелье наверняка услышала про себя кучу не самых приятных вещей, если ко мне цепляются даже из-за имени и шапки. Люди – они ведь в самом деле бывают жестокими, хотя я до последнего в них верю.

Я поспешила увести разговор в другую сторону:

– А вы из Франции?

– Муж, – ответила мадам Кавелье. И даже в голосе я слышала улыбку.

Потолок вдруг начал снижаться. Первой его жертвой стала мадам Кавелье, но мне спустя шаг тоже пришлось пригнуться. А потом мы и вовсе сложились напополам, присели на корточки, и я уже захотела спросить, когда закончится это мучение, но тут мадам Кавелье, громыхнув чем-то впереди, провозгласила:

– Пришли!

И вдруг оказалось, что перед нами – дверца. Именно ее створки сейчас полетели в разные стороны, предлагая свободу и не прося ничего взамен.

Выход был маленьким, высотой чуть больше ярда и шириной около полутора футов. Я, худая и низкая, преодолела его без особых трудностей, зато мадам Кавелье со всей ее горой одежды пришлось проходить боком. Я подала ей руку, чтобы помочь встать. И только когда мы обе оказались снаружи, я решила оглядеться вокруг.

И обомлела.

Честное слово.

Потому что дом моей семьи располагался не дальше трех минут ходьбы, и даже отсюда я видела бежевые стены и черепичные плитки на крыше. А мы жили в нем, между прочим, уже почти шесть, то есть все мои сознательные годы. И как я за все это время не наткнулась на дверцу во время одного из своих рейдов?..

Мадам Кавелье, проследив за моим взглядом, кивнула (ее лицо вновь почти полностью скрывал шарф, а я даже не заметила, когда мадам Кавелье успела им обмотаться). И произнесла:

– Здесь мы с тобой и расстанемся. Будь осторожна, Эрика Гибсон.

И она с материнской заботой поправила мою съехавшую набок шапку. Ту самую.

– Мадам Кавелье, у вас есть дети? – спросила я, прежде чем уйти.

И она ответила:

– Четверо.

А потом исчезла. Я лишь только моргнула, а от мадам Кавелье уже и следа не осталось, и я на мгновение даже подумала, что она мне привиделась. Но нет. Сама бы я не нашла выход из канализации, и кто бы знал, что тогда было. Может, какой-нибудь случайный прохожий все же заинтересовался бы моим ревом и решил помочь. А, может, и нет – что теперь предполагать?

Я сделала несколько шагов в сторону дома, но вдруг, остановившись, обернулась назад. Захотелось проверить: на месте ли дверца? Ну а вдруг, по неведомым обстоятельствам, ее уже нет?

Дверцы и в самом деле не было видно. Лишь только проглядывалась ручка-кольцо, почти сливающаяся с землей, частично скрытой горами снега. И я радостно улыбнулась. Дурочка, говорю же.

А если быть честными, то факт нового знакомства меня невероятно вдохновил. И я даже не стала чересчур расстраиваться из-за того, что пропустила новую серию “Красноглазых сов”. Ее все равно можно посмотреть в интернете...

Мама была дома.

Она у меня всегда дома, только если не ходит в магазин или не встречается с подругами. В магазин мы обычно ездим

всей семьей, в субботу утром, а подруг у мамы всего две, и обе живут в других городах, так что да – моя мама всегда дома. И работает отсюда же. Фриланс. Пишет статьи для разных сайтов на миллион тем, примеряя на себя то одну роль, то другую. Так сама мама говорит. Выращивает кактусы на подоконниках, которые то и дело хотят тебя уколоть. А ещё высаживает всякую зелень в нашем маленьком саду, но это летом, когда снег сойдет полностью.

Я открыла дверь своим ключом, скинула рюкзак, стянула шапку и один ботинок, и только тогда в коридоре появилась мама. Посмотрела на меня и кивнула:

– Как день, Эрика?

– Как обычно, – ответила я, стягивая второй ботинок и принимаясь за куртку. Последний раз мама подкрашивала волосы больше месяца назад, и ее короткий низкий хвост был нежно-розового, пудрового, оттенка. Повесив куртку на крючок, я вдруг подумала, что мама обязательно мне поверит, если я расскажу ей все, что только что случилось. У меня ведь такая не похожая на других мама. – Ну, то есть, не совсем.

– Иди обедать, – все тем же тоном произнесла мама. – Сегодня ты позже... Твои «Совы» начались минут двадцать назад.

О моей безмерной любви к «Красноглазым совам» мама знала. Потому что мы вечно из-за них спросили. Каждый день, когда я возвращалась со школы, мама звала меня обе-

дать. И каждый раз, когда я шла обедать, начиналась серия «Красноглазых сов». Поэтому чаще всего я ела, смотря в телевизор, а мама очень нервничала по этому поводу и задавала тысячу вопросов, желая отвлечь.

Но, решила я, сегодня все будет по-другому.

Точнее, с сегодняшнего дня.

– Потом посмотрю, – отозвалась я. – А ты знаешь, что там Ива напала на детектива Берда?..

Мама чуть приподняла брови – темно-коричневые, цвета настоящих маминых волос. И что-то мне подсказывает, что удивлялась мама не нападению. Моя мама в принципе далека от всей нашей современной культуры: она не смотрит сериалы и не читает книги, все только работает или сидит в соцсетях. А я не люблю соцсети. Там, конечно, много классных фанатских сообществ, но мне никто не пишет и на мои действия никак не реагирует, поэтому я чувствую себя неуютно.

– Так вот, – провозгласила я, вымыв руки и сев за наш круглый стол. В микроволновке подогревался обед – кажется, спагетти с фрикадельками, как знак уважения нашей итальянской родне. – Пока я шла домой, я успела упасть в канализацию.

Микроволновка пропищала, но мама не поспешила накормить меня обедом. Она переспросила:

– Упасть в канализацию?

Ее лицо побледнело, а мама у меня и без того бледная, да-

же белоснежная, несмотря на шоколадные (изначально) волосы и темно-карие глаза.

– Да, – ответила я, – но ты, пожалуйста, не переживай. Как видишь, все закончилось хорошо. А дело в том, что меня спасла мадам Кавелье. Конечно, я знаю, ты против того, чтобы я общалась с незнакомцами... Но мадам Кавелье – она очень милая. У нее есть муж – он, между прочим, из Франции, – и четверо детей. Но они живут в канализации.

Мама заметно расслабилась, и уже через несколько секунд тарелка с обедом стояла передо мной. Но я продолжала вещать, не обращая на спагетти внимания:

– Понимаешь, мама, они вынуждены жить в канализации. Ну, у них свои особенности. То есть, я не могу говорить за всех, но мадам Кавелье... у нее кожа такого оттенка... свежей зелени, как первые листья. И рожки. Да, звучит странно, но они у нее очень правдоподобные, эти рожки, и они так качаются – туда-сюда...

Мама села за стол напротив меня – как итог, нас разделяло больше полутора метров, потому что стол был большим, как и все в доме – и положила голову на ладони.

Взгляд у мамы всегда уставший.

Я не одна это замечаю, но, кажется, только я не знаю причин.

И вот свой уставший взгляд мама обратила на меня. Протянула:

– Эрика... – Мое имя в мамином исполнении всегда на-

поминает изящно изогнутую ветку кустарника. Э-ри-ка. И каждый слог – как шип. – Ты ведь понимаешь, что с таким глупо шутить.

– Но я не шучу! – возразила я горячо. – Я правда встрети-лась с мадам Кавелье. И она помогла мне найти выход из канализации. Тут дверца, совсем недалеко, лишь через несколько домов – понимаешь? И она ведет в канализацию. И из нее. Именно благодаря мадам Кавелье я здесь и оказа-лась.

– Я никогда не слышала ни о какой мадам Кавелье...

– Но она есть!

– И ни о каком ходе, который мог бы провести в канали-зацию, тоже. Только вдумайся. Элементарно, это же опасно.

– Но я ведь там была, – отозвалась я, уже не скрывая огор-чения.

– Соглашусь, ты всегда отличалась богатой фантазией...

И на этом моменте я не выдержала. Подскочила из-за сто-ла, так и не притронувшись к обеду. И ушла, не оглядываясь – глаза предательски защипало. У меня бывает такое. Могу месяц держаться без слез – а потом, стоит поплакать один раз, как я срываюсь и начинаю рыдать из-за каждой мелочи. Хотя не знаю, можно ли считать недоверие мелочью.

Вслед мне понеслось мамино колючее – Э-ри-ка, – но я не обернулась. Потому что никаких шипов у настоящей эрики нет.

Так и просидела до вечера в своей комнате.

Посмотрела пропущенную серию «Красноглазых сов», а потом две предыдущих – за детективом Бердом я могу следить вечно. Немного посидела над домашним заданием, решив сделать все безупречно, но быстро сдалась и наляпала что попало. Учеба всегда давалась мне туго – не в пример моей кузине Розе или той же противной Джил. Да и голодные мозги отказывались думать. Благо, в шкафу у меня была запасена пачка печенья – иначе пришлось бы совсем тяжело.

Мама пришла, когда за окном уже стемнело. Осторожно открыла дверь, не стучась, и застала меня в тот момент, когда я взялась за выданную на дом книгу, «Дыхание севера», пересказ которого у меня однозначно спросят – я надеялась только, что дышать, изображая ветер, все же не придется. Мама заглянула внутрь и произнесла мягко, но непреклонно:

– Обещай мне, что больше не будешь искать встречи с той твоей мадам Кавелье.

И пока я думала, что бы такое ответить, чтобы не обидеть маму, но при этом сохранить хотя бы призрачный шанс стать гостью мадам Кавелье, в коридоре прозвучал звонок.

Это вернулся мой папа.

Он всегда возвращается поздно, не раньше восьми вечера, потому что работает в больнице. И обязательно оповещает нас о своем возвращении дверным звонком. Как будто каждое папино возвращение – праздник. И, наверное, я даже ему радуюсь.

Как несложно догадаться, никакое обещание маме я так

и не дала.

Мы пошли ужинать, и повторить историю своего сегодняшнего путешествия я не решилась.

2

Конечно, все не могло закончиться так просто. Иначе встреча с мадам Кавелье была бы не началом величайшего приключения, уготовленного мне жизнью, а так, пустяком.

О моем посещении канализации мы с мамой больше не разговаривали. А с папой тем более – он, кажется, так ничего и не узнал. По крайней мере, сама я ничего ему не рассказывала – у меня очень трудноуловимый папа, поэтому мне редко везет с ним поговорить. А мама в принципе посчитала всю мою историю пустяком.

Но никакой это был не пустяк.

Я давно заметила за взрослыми такую особенность: они гонятся за чем-то эфемерным, оставляя без внимания самое важное. Деньги, улыбки. Но любовь ведь за деньги не купишь, а фальшивая улыбка не сможет согреть сердце.

Зато мадам Кавелье улыбалась определенно искренне.

Тем временем, спустя три дня, наступили выходные. Все эти три дня я старалась вести себя, как ни в чем не бывало. Пыталась делать домашку, проваливала тесты, изредка разговаривала с одноклассниками, но, признаться честно, почти все мои одноклассники – «скверные люди», как пишет Себастиан Норманн, автор того самого «Дыхания ветра». Классная, кстати, оказалась книга, она теперь одна из моих любимых. Там про собак, и они, в отличие от людей,

ничуть не скверные.

Так вот.

К выходным мое терпение закончилось напрочь, и я уже просто не могла сидеть на месте, зная тайну и ничего с ней не делая. Тайны ведь существуют не просто так! И раз уж меня посвятили в одну из них, разве я не должна воспользоваться таким преимуществом?

Вот с такой мыслью я проснулась в субботу утром, ровно в восемь до полудня – если моя кузина Роза может до обеда лежать в кровати, то я не позволяю себе тратить время на какое-то простое валяние. Я вскочила с кровати, полная решимости, и вспомнила, что сегодня мы едем в магазин.

Семейная традиция, одна из немногих.

Конечно, я не могла сказать: «Мама, папа, простите, но я к мадам Кавелье»! Потому что меня, во-первых, никуда бы не отпустили, а, во-вторых, мама советовала мне с мадам Кавелье не общаться.

Но ведь мадам Кавелье пригласила меня в гости раньше, чем мама произнесла свою просьбу. На уроках же спрашивают первого, кто поднял руку. Ну или меня, когда я совсем-совсем не знаю ответ. Так и здесь. Может, думала я, и не будет на том месте никакой дверцы. Тогда я расстроюсь, конечно, но зато сразу развернусь и пойду домой, и никто меня больше не заставит искать вход в канализацию.

На самом деле, впервые решиться на что-то легко – гораздо сложнее пойти на это еще раз, после провала.

Я стараюсь не повторять своих ошибок дважды.

Помнится, прошлым летом я впервые в своей жизни влюбилась. В смысле, по-настоящему. То есть, и раньше находились мальчики, которые мне нравились, но влюбляться – нет уж, спасибо.

А прошлым летом зацепило, да так, что мне начало казаться, будто вот он – тот, кого мне так не хватало. И я даже готова была изрисовывать сердечками свой личный дневник (а я веду личный дневник) и писать стихи – настолько непривычным было это чувство.

Да, пожалуй, история моей первой и последней на данный момент любви заслуживает быть рассказанной прямо сейчас. Она очень смешная, а потому грустная. Ну что в любви может быть хорошего, если она вызывает только жалкую усмешку?

Итак, во всем была виновата мисс Джонсон. Точнее, это я называю ее мисс Джонсон, в знак уважения. Для мамы она – Моника. А для всяких остальных людей, не относящихся к друзьям и близким, она Леона Луин – это псевдоним мисс Джонсон. Она писательница и, как говорит папа, весьма посредственная. Но у нас есть все шесть бумажных книг под авторством мисс Джонсон, причем с личными пожеланиями автора. Хотя я не видела, чтобы мама их читала. Помнится, в один из тех редких моментов, когда мамы дома не оказалось, я взяла одну из книг и пролиставала несколько первых глав. Но не нашла ничего интересного – главная героиня пыталась

размышлять о любви, а я на момент прочтения этих глав ещё не представляла, что такое любовь.

На самом деле, мисс Джонсон, ну или, так и быть, Моника, очень милая.

У мисс Джонсон копна темно-рыжих кудрей, достигающих середины шеи, много очков – едва ли не каждый раз я вижу ее в новых, но они всегда классные. Мисс Джонсон носит чудесные объемные свитера, мягкие-мягкие, и кеды с разноцветными шнурками. Зато у мисс Джонсон до сих пор нет ни мужа, ни детей. Как говорит сама Моника, она слишком творческий человек для всяких бытовых проблем. Есть люди-искусство, сказала когда-то она, а есть люди-обыденность. Когда я спросила, к каким отношусь я, мисс Джонсон заметила серьезно, что выбирать это предстоит мне самой.

Конечно, мне хотелось быть человеком-искусством, но Монике я в этом так и не призналась. Да и случился этот разговор давно – года три назад, я в те времена была ещё с волосами до лопаток и совсем скромным характером. Зато Моника с тех пор совсем не поменялась.

Я опять отвлеклась, но вообще-то я хотела сказать, что прошлым летом мисс Джонсон приехала в наш город, чтобы целый месяц прожить у старшей сестры, работая над своим новым романом – он, кстати, должен вот-вот выйти, и, может быть, я даже попытаюсь его почитать. Конечно же, в тайне от мамы. Что-то я слишком многое начала делать в тайне от нее...

О сестре мисс Джонсон я слышала мало, только то, что она есть и воспитывает сына в гордом одиночестве – и, по словам Моники, самой ей такое не надо. Помню, они с мамой долго обсуждали это на нашей кухне, думая, что я сплю. Правда, я не услышала ни слова, произнесенного моей мамой – или не хотела?..

На второй день после приезда мисс Джонсон мы с мамой отправились в гости – нас любезно пригласили (и мама почему-то не посмела отказаться от приглашения).

День стоял солнечный, очень жаркий, и в глазах плясали черные точки при одном взгляде на небо. Я сидела на летних каникулах, а папа – на работе, поэтому мама меня с собой взяла, а папу нет. С трудом, но до квартиры, расположившейся в самом центре, мы добрались. Открывать нам пошла старшая сестра мисс Джонсон – как потом оказалось, ее зовут Холли. А вместе с ней – тот самый ее сын, которого мама с Моникой так рьяно обсуждали.

Он первым заговорил со мной, едва завидев. Протянул руку и произнес:

– Бреннан.

Вот уж у кого имя было, как у принца.

И это его «Бреннан» пронеслось во мне чем-то радостным, предвкушающим, и я ответила на рукопожатие:

– Эрика.

А Бреннан уточнил:

– Как цветок?

Вот тогда я и пропала окончательно.

Помимо сказочного имени и чудесных манер, у Бреннана были кудри, почти как у обеих мисс Джонсон, но намного короче, и благородные голубые-голубые глаза. Он превосходил меня по росту на целую голову (что с моим ростом, в общем-то, явление вполне нормальное), а кожа его, в отличие от моей белой, загорела на солнце и приобрела золотистый оттенок.

Он показался мне таким непохожим на остальных. И взрослым – хотя, как он сам признался вскоре, день рождения у Бреннана был осенью, за полгода до моего.

Да, я определенно точно пропала, уже намного позже осознав, что за таким красивым мальчиком, как Бреннан, обязательно должна бегать толпа не менее красивых девочек.

Пока мама и обе мисс Джонсон вели свои взрослые разговоры, Бреннан не давал мне заскучать ни на минуту, развлекал беседами и рассказами. За одну встречу я узнала, в какой школе он учится и какие учителя несправедливо занижают ему оценки, на каких морях он побывал и на каком чуть не утонул (на Черном), и как он однажды приволок домой котенка, найденного в какой-то неведомой глуши. Рассказав о последнем эпизоде, он выглянул в коридор и произнес:

– Пуси-пуси, Теодор, иди же сюда...

И Теодор пришел. Он был полосатый: белый-белый, как блики на воде, и черный, как перезревший на солнце виноград (а я, как на четверть итальянка, разбираюсь в винограде).

де). А ещё огромный – как только я не заметила его прежде? И тяжелый настолько, что я еле умудрилась его поднять. А мурчал так, что было слышно, кажется, в соседней квартире.

Оставшуюся часть вечера мы просидели втроем.

Бреннан был превосходным рассказчиком, а я, без лишней скромности, неплохим слушателем, и тот жаркий летний вечер до сих пор, пожалуй, один из лучших вечеров в моей жизни. Несмотря ни на что. Он ведь случился тогда, когда в Бреннана я ещё не разочаровалась, так зачем теперь пытаться окрасить в черные краски событие, которое действительно делало меня счастливой?

Вернулись мы домой уже поздно, к ночи. Мама сразу отправилась к себе в кабинет, заканчивать статью, по которой горели сроки – что-то из астрологии. А я пришла к себе и, вместо того чтобы лечь спать или включить какой-нибудь сериал, открыла тот самый свой личный дневник.

И принялась рисовать сердечки. Если бы умела писать стихи, ещё и стих бы написала – «в честь твою», как говорили в какой-то книжке. Но у меня с поэзией вполне определенные трудности. Меня литературным талантом распределительная машина обделила.

Ходила я после той поездки, как дурочка, целых двое суток. А потом мама спросила, поеду ли я вместе с ней к Джонсонам ещё раз («Кажется, ты неплохо общалась с сыном Холли»). Я согласилась, едва дослушав. Может быть, даже слишком активно. Мама наверняка что-то заподозрила. А когда я

надела летнее платье, голубое и нежное, которое так нравилось маме, но не нравилось мне (сидело оно и в самом деле неплохо, но делало меня совсем девчонкой), мама так вообще начала на меня коситься. Но ничего не сказала.

А после, в общем-то, все пошло наперекосяк.

К Джонсонам мы приехали, вот только Бреннана там не было. Как сообщила Холли, он пару часов назад ушел гулять, но должен вернуться в самом ближайшем времени. Тем более, что она ему позвонила. И я расселась в гостиной, прежде вызвав Теодора из коридора. Принялась ждать.

Вот только Бреннан не спешил появляться.

В итоге я не выдержала, подхватила Теодора на руки и потащила вместе с ним к окну (еле дошла, кряхтя, как старушка). Усадив кота на подоконник – пришлось подвинуть фикус в широком горшке, – я прилипла лбом к стеклу и стала высматривать того, кто не давал мне спать по ночам, заставляя страдать из-за всякой ерунды. То есть, конечно, из-за великих чувств.

Холли и Бреннан жили в многоквартирном доме, на втором этаже, и окно гостиной как раз выходило на подъезд.

Так что Бреннана я заметила, рано или поздно.

Но не одного – в компании с белобрысой девчонкой почти одного с Бреннаном роста в короткой джинсовой юбке и с красными, как панцирь рака, губами. Я отсюда видела эти ее ужасные губы. Удивительно, как только Бреннан не ослеп?

Я молча наблюдала за тем, как они движутся к подъезду

(почему-то соседнему), держась за руки. Как останавливаются друг напротив друга. Я все ждала и ждала, пока произойдет хоть что-нибудь, но они принялись разговаривать, причем наверняка о всякой ненужной ерунде, а мое сердце в это время билось, как сумасшедшее.

Но ожидание мое в итоге было вознаграждено.

Сомнительной, конечно же, наградой.

Бреннан ее поцеловал. Спасибо, что не в ужасные красные губы – так, в щеку, перед этим плавно отведя назад прядь волос... Девчонка захихикала. И почти сразу скрылась за дверью подъезда.

А потом, как ни в чем не бывало, прекрасно зная, что какая-то там Эрика здесь и ждет его, Бреннан пошел в теперь уже правильную сторону. А я отпрыгнула от окна, напрочь забыв про Теодора и про то, что фикус нужно вернуть на место. Сердце билось, щеки пылали, дышать стало тяжело – это были очень странные ощущения, прежде я ничего подобного я не испытывала.

Хотя, анализируя ситуацию позже, я поняла, что ничего такого сверхъестественного не произошло. Если не считать выдуманной мной же любви. Мы с Бреннаном виделись лишь единожды, совсем не знали друг друга, а я далеко не красотка и не стану ей, даже если покрашу губы красной помадой.

Так почему же я вдруг подумала, что имею право влюбляться?

Существует ли вообще такое право, которое позволяет любить?

Но тогда, тем не менее жарким, чем все остальные, летним днем, чувствовала я себя и в самом деле неважно. А из кухни как раз вышла мама, решив меня проведать. И застала она свою единственную дочь именно в таком состоянии – а я списала все на то, что мне совсем поплохело от жары. Пожалуй, я уже тогда начала скрывать от мамы некоторые детали своей глупой жизни.

В общем, к тому времени, как Бреннан оказался дома, я уже заседала на кухне в окружении трех женщин, хлопочущих надо мной, как над цыпленком. Да так никуда и не пошла, несмотря на многократно подаваемые Бреннаном знаки. А очень скоро мы с мамой уехали, и уже у себя в комнате я вдоволь наревелась над своими разбитыми чувствами и даже вырвала из дневника разрисованные сердечками листы.

В следующий раз мама поехала к Джонсоном без меня.

С тех самых пор я с Бреннаном встречи не искала. И надеялась никогда не оказаться даже вблизи квартиры, где он жил. Почему-то мне оказалось, что я слишком огорчусь, увидев тот самый подъезд.

Но Теодор у Джонсонов в самом деле классный, и я бы многое отдала, чтобы у меня был такой кот. Но в нашем доме лучше не иметь никаких пушистых животных – у папы на них давняя аллергия, и я сама видела, как он чихает, едва только вблизи появляется кошечка или собачка (приходится

пить таблетки). И я даже смирилась с тем, что у нас никогда не будет животных, до того самого момента, пока сама судьба не подкинула мне шанс.

Этой зимой, на одном из совместных ужинов, после которых мы все разбегаемся по своим комнатам, я предложила родителям завести улитку. Несколькими часами ранее, в школе, ко мне подошла сама Джил. И вполне мирно спросила, не нужна ли мне улитка – сообщила, что у ее Ивы недавно появились детки. Я тогда даже переспросила: «У Ивы?». И оказалось, что Джил тоже смотрит «Красноглазых сов». Это заставило меня уважать Джил чуть больше, и в то же время я почувствовала ревность к сериалу, который так сильно люблю. А ещё вдруг подумала, что мы с Джил даже могли бы подружиться, если бы она не была такой противной. Но уже через мгновение эта мысль меня покинула. С такими, как я, обычно не дружат такие, как Джил.

Я в тысячный раз отвлеклась, но, в общем-то, все обстояло так, что я готова была взять улитку прямо сейчас даже несмотря на то, что с собой ее у Джил не было. Желательно мальчика, чтобы я назвала его Бердом. На это Джил сказала, что у улиток есть волшебное свойство – ты сам можешь выбрать, мальчики они или девочки, и это вдохновило меня ещё больше. Я сказала, что предупрежу родителей и сразу же сообщу об этом Джил – например, в «Фейсбуке». И мы договоримся, когда Джил отдаст мне Берда. Так что мы разошлись, вполне довольные друг другом. И домой я мча-

лась, точно у меня за спиной были крылья для ускорения. Даже новую серию «Красноглазых сов» смотрела без должного внимания, потому что все мои мысли были заняты улиткой.

Я ждала ужина, чтобы одновременно сообщить радостную новость и папе, и маме. Мне эта новость виделась настолько важной, что говорить о ней вне ужина казалось мне настоящей грубостью.

Однако, когда я ее произнесла, никто не разделил со мной воодушевления.

Папа лишь вздохнул, зато мама ещё полчаса говорила о том, какая это ответственность, и что она не хочет ухаживать за улиткой вместо меня, и что даже для ухода за улиткой нужны деньги, и что я ещё слишком маленькая (хотя через месяц мне исполнилось одиннадцать), и все в таком духе, произнесенное уставшим маминым голосом. Я держалась изо всех сил, но, когда мы разошлись по комнатам, все-таки расплакалась. И написала Джил, чтобы она отдала моего Берда кому-нибудь другому. Уже потом, в школе, Джил немного надо мной посмеялась, но быстро утратила интерес, видя, что я никак на нее не реагирую.

У нас до сих пор не появилось ни одного зверенка, как бы мне этого не хотелось. Да и больше никто не предлагал мне кого-нибудь отдать. Хотя я бы все равно не согласилась. Мама ясно дала мне понять, что не хочет заводить никаких живых существ (кроме кактусов, разве что). Однажды я даже подумала, что папина аллергия была всего лишь очередной

отговоркой. И тут же устыдилась. Мы не выбираем, с какими болячками нам родиться, ведь так?

Со всеми этими ответвлениями я совсем забыла, о чем начала рассказывать.

Надеюсь, я не пропустила ничего важного, но, в общем-то, в магазин мы все-таки поехали. Я решила, что день достаточно длинный (он же без школы), а потому я успею сделать и то, что обязана, и то, что хочу. До чего меня жизнь довела! Раньше я воспринимала субботние поездки в магазин как самое радостное событие каждой недели. Кроме тех четырех недель в году, когда был день рождения у меня или родителей и Рождество. Зато тем утром мое настроение начало портиться уже в машине, и, если когда-то я могла рассказывать о чем-то всю дорогу, то теперь молчала, глядя в окно.

Ехали мы к центру.

В нашем тихом райончике был всего лишь один супермаркет, и тот крошечный, не развернуться. То есть, конечно, это не мешало мне покупать в нем всякую ерунду, ну, например, шоколадки, мармеладки и (летом) мороженое. Но вот закупиться по-нормальному, так, чтобы ещё неделю жить и не думать о том, где взять еду, там было невозможно.

Поэтому мы и ездили в центр.

В дороге к тому же обнаружилось, что, прежде чем отправиться за продуктами, мы заедем в строительный магазин, самый большой в нашем городке, куда спокойно можно уместить две, а то и три моих школы вместе с удвоенными –

или утроенными – учениками и учителями. Надо было купить обои – папа наконец-то (мама просила об этом еще года четыре назад) решил доделать ремонт в небольшой комнате-складе нашего дома, в которую никто никогда даже и не заглядывал.

И да, если в прежние времена я бы могла этому обрадоваться, то теперь лишь разнервничалась ещё больше. Это ведь отнимет так много времени! Зная папину любовь ко всяким инструментам, краскам, плиткам и всему прочему (когда-то он даже хотел становиться дизайнером) и мамину придирчивость (до сих пор помню, как мы три часа подряд выбирали дверную ручку), несложно догадаться, что это отнимет у нас полдня.

Кажется, я дышала слишком громко, потому что мама даже спросила:

– Эрика, все в порядке? Ты сегодня молчаливая.

Конечно же, все было не в порядке. Но не могла же я сказать об этом маме?.. Три дня назад уже сказала, но что-то она не поделила моих восторгов.

Но и слишком нагло солгать я не смогла. Поэтому ответила просто:

– Не знаю. – И зачем-то добавила: – Весна.

Если учесть, что даже в нашем районе снег таял с каждым днем все сильнее, лужи увеличивались и походили на растущих амёб (а нам в школе рассказывали про амёб), а кое-где начинали уже подсыхать, то в оживленной части города

весна царила настоящая. Тут и без того было снега гораздо меньше, чем у нас, хотя бы потому, что специальные службы увозили его в неведомую даль. А сейчас так вообще – почти никакого снега. Зато солнце светит яркое, бликует в окнах домов.

Я родилась через две недели после начала весны.

Поэтому, пожалуй, я имею полное право называть весну «своей».

Так вот, моя весна почти полностью уже завладела моим городом, и это, несмотря ни на что, заставляло меня испытывать радость. Как будто я в самом деле была цветком, который восхищается появлению солнца и склоняет голову в его направлении.

Ехали мы как никогда долго, но все же приехали. Строительный магазин высился среди довольно невысоких домиков и совсем не вписывался в окружающую его обстановку. Вся парковка была заставлена машинами, и мы еле нашли место, чтобы приткнуться. Как будто всем вдруг резко захотелось заняться ремонтом. Вот делать людям нечего, честное слово...

Я нацепила свою любимую шапку и вслед за мамой, которая никогда не носит шапки, вылезла из машины. Потянулась, разминая застывшие мышцы. Из машины появился папа, подошел к нам, посмотрел сверху-вниз. Он у меня высокий, мой папа, и даже выше мамы на полторы головы, а что уж обо мне говорить... Папа улыбнулся и спросил:

– Отправляемся?

Вообще-то раньше мне нравилось, когда папа так делал. Эти его слова бодрили и вселяли дух приключений. Даже если мы шли всего лишь купить обои. Но сегодня они разозлили меня ещё больше. Так и хотелось поинтересоваться, не мог ли он спросить это раньше, когда мы еще не сели в машину. Может, и не пришлось бы тратить двадцать минут времени на поездку сюда (и столько же на то, чтобы приехать обратно).

Нет, на самом деле, я люблю папу.

Но, скорее, издалека.

С понедельника по пятницу папа рано утром, пока я еще сплю, уходит на работу. Возвращается к ужину – а у нас поздний ужин, он начинается не раньше восьми часов вечера. Те пятнадцать минут, когда мы ужинаем – единственное время (не считая субботних поездок за покупками), в которое я могу пообщаться с папой. И то большую его часть мы едим. А потом папа уходит отдыхать. Иногда я пытаюсь достучаться до него после, но ничего порядочного не выходит.

А по воскресеньям у папы тренировки по автокроссу – я, кажется, это уже упоминала. Возвращается он ещё позже и даже не ужинает.

Да, я люблю папу.

И прекрасно понимаю, что основной доход нашей семьи – это то, что он зарабатывает. И что ему тоже нужен отдых, поэтому он и пропадает на своем автокроссе. И что он ста-

рается изо всех сил и иногда даже находит время на то, чтобы попасть на наш школьный концерт, например.

Но все равно все это немного грустно.

Хотя не зря говорят, что человек ко всему привыкает.

Вот и я. Привыкла, что его почти никогда нет.

Мама кивнула, и мы пошли.

Толкучка в магазине в самом деле стояла невообразимая, как будто на каждой из стоящих рядом машин приехало по крайней мере человек пятнадцать. Работали все кассы (а их было около десяти), но возле каждой из них стояла живая людская гусеница. Хотя что удивляться очередям возле касс, если даже к каждому унитазу выстраивалась очередь хотя бы из пяти человек, как будто это был не унитаз, а музейный экспонат.

Сумасшествие, короче говоря.

Я даже не знала, что у нас в городке так много человек. А ведь в строительном супермаркете в тот день собрались наверняка не все.

Мы отправились вперед, к обоям, проходя как раз мимо тех самых унитазов, и я даже засмотрелась на один, нежно-василькового цвета – он и в самом деле был красивый. После я бросила несколько долгих взглядов на кран в форме дельфина. И на ряд банок с красками – мне понравилась составленная ими цветовая симфония.

Однако, когда до рядов с обоями осталось совсем ничего, я начала сомневаться в том, действительно ли не мог один

магазин вместить всех жителей нашего города.

Потому что как раз-таки от обоев шла в нашем направлении семья из двух человек. Оба без шапок, зато с медными кудрявыми волосами. Мама и сын. Заметно выросший за то время, что мы не виделись, сын. А прошел почти год. То есть год за вычетом трех месяцев. Я-то с тех времен, быть может, только дюйм в росте и прибавила (и то хорошо), а он скоро маму нагонит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.